

не мѣняется. По линіи управленія, и отдѣлы и самые исполкомы совершенно подчинены центру.

Вмѣсто совѣтовъ, какъ власти, появилась совѣтская общественность. Виды ея крайне разнообразны: секціи при совѣтахъ, депутатскія группы на предприятияхъ, группы содѣйствія, сигнальные посты, товарищескіе суды, всякіе съѣзды, легкая кавалерія, и еще многіе, многіе другіе; между прочимъ, и соцсовмѣстительство, о которомъ писалъ въ прошлый разъ. Общее всѣмъ имъ — это ихъ безформенность. Совѣтская общественность не безвластна, но она и не организованная, правильно дѣйствующая власть. Она дѣйствуетъ наскоками. Отъ идей Ленина сохранилось представленіе о государственномъ аппаратѣ, какъ о чемъ-то въ основѣ нечестивомъ. Государственный аппаратъ — Зло, а совѣты, или замѣнившая ихъ совѣтская общественность — Добро. Добро время отъ времени бурей налетаетъ на Зло, извлекаетъ, разоблачаетъ, чиститъ и караетъ, и проносится дальше. Одни и тѣ же лица то представители Зла (коммунисты у себя въ наркоматѣ), то Добра (онъ же какъ представитель совѣтской общественности въ чужомъ наркоматѣ).

Очевидно, вопросъ о совѣтской демократіи, какъ особомъ видѣ государственности, надо еще считать открытымъ.

С. Стояновъ

Тезисы о судьбѣ искусства

Утрата стиля. — Наважденіе новизны. — Чувствленность и разумность. — Безчеловѣчность. — Служба чловѣку. — Механическая красота. — Одиночество художника. — Смерть и воскресеніе.

1.

Вопросъ о судьбѣ искусства поставленъ давно; онъ только принялъ въ наше время небывало отчетливыя очертанія. Положеніе всѣхъ искусствъ (въ дальнѣйшемъ мы будемъ говорить только объ искусствахъ пространственныхъ: архитектурѣ, живописи, скульптурѣ) за послѣдніе полтора столѣтія рѣзко отличается отъ ихъ положенія въ предшествующіе вѣка, и отлччіе это все углубляется по мѣрѣ приближенія къ нашему вѣку. Наиболѣе важная перемена — умираніе стиля, т. е. высшаго, надличнаго и тѣмъ не менѣе свободнаго единства художественныхъ формъ. Первой отъ безстилія погибла архитектура, переставшая существовать, какъ искусство, уже сто лѣтъ назадъ. Живопись и скульптура сохранили стилистическую традицію почти исключительно во Франціи, но и здѣсь традиціи этой приходилось выдерживать изнуряющую и все болѣе непосильную борьбу съ мнимымъ искусствомъ, стилизаціей и хаосомъ. Въ настоящее время сохранились только ея пережитки.

2.

Отсутствие стиля ведетъ прежде всего къ разногласію и кричащей пестротѣ. Не находя традиціи, годной для всѣхъ, художникъ стремится отыскать или выбрать отдѣльную, годную для него одного традицію. Это удается не всегда, а если удается, то еще не избавляетъ отъ одиночества, и произвольное ученичество у любого изъ старыхъ мастеровъ всегда грозитъ превратиться въ простое подражаніе, въ подсматриваніе приемовъ. Подражаніе такого рода ничѣмъ изнутри не отличается отъ оригинальничанія, хвастовства несходствомъ, стремленія выдумать себя. Надо ото всѣхъ отдѣлиться и всѣхъ опередить — таково требованіе, предъявляемое художнику имъ самимъ и тѣми, кто еще соглашается проявить интересъ къ его искусству. Отъ него хотятъ и онъ самъ хочетъ во что бы то ни стало новизны. Искусство обновлялось постоянно, но еще никогда такъ не гналось за обновленіемъ.

3.

Искусство въ былыя времена исходило изъ всего цѣликомъ духовно-тѣлеснаго человѣческаго существа, и какъ разъ стиль былъ гарантіей этой цѣльности. Тотъ же самый процессъ культурнаго распада, что привелъ къ паденію стиля, обнаружился и въ ущербѣ этого цѣлостнаго участія чловѣка въ собственномъ духовномъ творествѣ. Все больше и больше въ созданіи статуй и картины, какъ и въ ихъ воспріятіи, вкушеніи, стали участвовать исключительно эстетическія въ узкомъ смыслѣ слова, т. е. особья, чувственно-разсудочныя, относительно поверхностныя способности чловѣка, которыми никогда не исчерпывалось искусство въ прежніе вѣка и которыя недостаточны сами по себѣ ни для творчества, ни даже для воспріятія творчества. Искусство шло изъ души къ душѣ; теперь оно обращается къ разсудку и къ нервной системѣ. Импрессионизмъ въ значительной мѣрѣ былъ сенсуализмомъ. То, что послѣдовало за нимъ, или болѣе грубо «бьетъ по нервамъ», или ублажаетъ тѣ самыя мозговья клѣтки, что должны радоваться рѣшенію шахматныхъ задачъ.

4.

Если въ художественномъ творествѣ уже перестаетъ участвовать цѣлостный, нераздѣленный чловѣкъ, то не удивительно, что въ продуктахъ этого творчества начинаетъ отсутствовать самый образъ чловѣка. Образъ этотъ для современнаго художника никакой самостоятельной цѣнности не имѣетъ; имъ онъ просто пользуется, какъ всякимъ другимъ матеріаломъ для своихъ упражненій, геометрическихъ и иныхъ. Уже для послѣдовательнаго импрессиониста было въ сущности все равно, отражается ли цвѣтоносный лучъ въ чловѣческихъ глазахъ или въ уличной канавѣ. Кубистъ и подавно

не проводить никакого различія между гитарою и гитаристомъ, разрубаетъ ихъ кисть на томъ же механическомъ станкѣ и мастерить изъ обонихъ нужную ему абстракцію. Не успѣвъ портретъ обратиться въ натюръ-мортъ, какъ и натюръ-мортъ превращается въ безпредметную схематическую постройку. Среди всѣхъ этихъ выкладокъ, экспериментовъ, челоѣку нѣтъ мѣста, челоѣка нѣтъ, и всю живую природу замѣняетъ постепенно разсудкомъ установленная, отвлеченная «дѣйствительность».

5.

Кто нибудь скажетъ: современное искусство безчелоѣчно, бездушно — сравнительно съ искусствомъ прошлаго, — пусть такъ, но развѣ оно все таки не искусство и не отвѣчаетъ ли оно подлинной челоѣческой потребности? Мы отвѣтимъ: оно — искусство, поскольку не совсѣмъ еще стало тѣмъ, чѣмъ оно становится. Больше того: даже и ставъ этимъ новымъ чѣмъ-то, оно сохранилъ нѣкоторыя черты искусства, останется способнымъ потрафлять физиологически-вкусовымъ, абстрактно-эстетическимъ ощущеніямъ. Въ этомъ, какъ и въ другихъ, еще болѣе практическихъ, цѣлесообразностяхъ и будетъ заключаться его служба челоѣку; оно только и будетъ челоѣку служить, — раньше оно было само челоѣческимъ служеніемъ, высокою хвалою тайнъ міра и глубинъ челоѣческой души. Услужующее искусство безъ труда отброситъ все ненужное, все невѣрное, расправится съ безвкуснымъ, со всѣмъ тѣмъ художественнымъ — въ кавычкахъ или съ отрицательнымъ знакомъ, — чѣмъ была такъ переполненъ минувшій вѣкъ; но оно само отъ этого положительнаго знака не приобрѣтетъ, искусствомъ все равно не станетъ. Кропите мертвецкую известкой и сулемой, — но не въ чаши рожденія или воскресенія.

6.

Многіе возлагаютъ надежду на современную архитектуру, называемую рациональной или функціональной, на «машину для жилья» Ле Корбюзье. Въ самомъ дѣлѣ, она отказалась отъ стилизации, выдумокъ и уродствъ; она знаетъ, чего хочетъ и дѣлаетъ лишь то, что нужно; бактеріи псевдоискусства умираютъ въ асептическомъ ея воздухѣ. Однако, не она ли и олицетворяетъ всего полнѣй услужующее, полезно-пріятное искусство? За недолгое свое существованіе она еще не успѣла раскрыться до конца, но нельзя отрицать ни бытовой, ни эстетической ея разумности. Красота машины для жилья столь же возможна, какъ красота всякой другой машины; но красота еще не искусство, а лишь привходящій его элементъ, и изъ красоты въ такомъ не духовномъ, а лишь эстетическомъ, смыслѣ искусства не выкроишь: въ творчествѣ она не нуждается и не творчество ее рождаетъ, а только выборъ, расчетъ и вкусъ. Въ механической архитектурѣ, уже начавшей подчинять себѣ другія искусства, есть единообразіе, котораго не зналъ девятнадцатый вѣкъ, но

это единство стандарта, штампа (хотя бы и предельно удачного), — не стили. Стандарт рационален, но только стиль одухотворенъ.

7.

Безъ возмущенія, безъ возстанія все это не осталось и остаться не могло. Но тогда какъ подмѣна искусства утилитарно-разсудочнымъ производствомъ, одобреннымъ эстетикой, привела къ чему то, въ принципѣ, общепонятному и потому спланивавшему, пригодному для массы, всякій бунтъ противъ этой подмѣны, сознательный или нѣтъ, загоняетъ художника въ одиночество, тѣмъ болѣе полное, чѣмъ пережитки стилистической традиціи, прежде поддерживавшей его, становятся разрозненнѣй и слабѣе. Въ этой традиціи были одиночками и бунтарями уже всѣ великіе мастера минувшаго столѣтія. Нынѣ, германскіе экспрессионисты, французскіе сюрреалисты выступаютъ группами, но это не отмѣняетъ окончательнаго одиночества каждаго изъ участниковъ тѣхъ группъ. Все это люди отлично знающіе, что искусство не есть благоразумное сочетаніе пріятнаго съ полезнымъ, видящіе въ немъ воплощеніе духовной сущности. Трагедія ихъ въ томъ, что духовную сущность эту они обречены усматривать только въ собственномъ своемъ я и потому, не умѣя прорваться сквозь себя, не находятъ ей цѣлостной плоти, т. е. формы. Сырой матеріалъ своего сознанія или подсознанія они выстѣкаютъ въ камень, выворачиваютъ на холстъ; они жаждутъ искусства и не умѣютъ отказаться отъ себя, ради его свершенія.

8.

Судьба искусства, судьба современнаго міра — одно. Тамъ и тутъ, бездуховная сплоченность всего утилитарнаго, массоваго, управляемаго вычисляющимъ разсудкомъ, противопоставляется разобщенности личнаго начала, еще не измѣнившаго духу, но въ одиночествѣ, въ заблужденіи своемъ — въ заблужденіи не разума только, а всего существа — уже теряющаго пути къ цѣлостному его воплощенію. Искусство и культуру можетъ сейчасъ спасти только сила, способная служебное и массовое одухотворить, а разобщеннымъ личностямъ дать новое, вмѣщающее ихъ въ себѣ единство. Такая сила, въ какомъ бы обликѣ она ни проявлялась, звалась до сихъ поръ религіей.

В. Вейдле.